

Рецензируемая книга представляет собой расширенный и переработанный вариант "Сравнительно-этимологического словаря германских языков", опубликованного в 1994 г. тем же автором небольшим тиражом (250 экземпляров). Книга предназначена, как отмечает сам автор, прежде всего для студентов-германистов и преподавателей высшей и средней школы. Именно поэтому книга по замыслу автора должна сочетать в себе по возможности свойства научного издания и вузовского учебника. Следует, однако, сразу отметить, что рецензируемый Словарь – серьезная научная работа, обнаруживающая глубокие знания автора в области этимологии и владение им современными методиками этимологизирования, а также хорошее знание специальной научной литературы. Перед нами первый в России этимологический словарь германских языков, появление которого следует всячески приветствовать¹. Вполне естественно, что ни один словарь не может быть совершенным. Поэтому вполне уместны приводимые автором слова Сэмюэля Джонсона, заимствованные им из знаменитого словаря Ю. Покорного: "Dictionaries are like watches: the worst is better than none, and the best cannot be expected to go quite true".

Словарь содержит около 1300 словарных статей, которые охватывают основную лексический состав германских языков. Отдельная словарная статья в рецензируемом словаре состоит из четырех основных блоков. Первый блок включает в себя следующие данные: германский корень, к которому могут быть возведены реально зафиксированные слова современных и древних германских языков². Обычно приводится материал следующих языков: английского, древнеанглийского, немецкого, древневерхненемецкого, нидерландского, древнесаксонского и/или древнефризского, шведского, древнеисландского, готского. Этот блок завершает прагерманская форма, снабженная предлагаемым исходным значением. Если в статье рассматривается только древнегерманская

лексика, то порядок следования языков обычно меняется: готский, древнеисландский, древнеанглийский, древнесаксонский, древнефризский, древневерхненемецкий. В т о р о й блок включает (после знака //) генетически родственные слова за пределами германских языков. Обычно приводятся греческие, латинские, кельтские (языки кентум), древнеиндийские, балтийские и славянские (языки сатэм) формы. В некоторых случаях этот блок дополняется иранскими, хеттскими, тохарскими, албанскими, армянскими и другими параллелями. Завершается второй блок индоевропейским корнем с предполагаемым комплексом присущих ему значений. Т р е т ь и й блок: в необходимых случаях дается фонетический, семантический и культурно-исторический комментарий, касающийся прежде всего германских и славянских форм, приведенных в первых двух блоках. Ч е т в е р т ы й блок вводится словами "сюда же относятся" или "сюда же". Этот блок образуют г н е з д а с л о в , связанных с интерпретируемой базисной морфемой – германским или индоевропейским корнем. В четвертый блок включаются также морфемы с деривационным значением, возникшие из свободных морфем, – суффиксы и префиксы глаголов, существительных и прилагательных, – а также имена собственные германского происхождения (личные имена, топонимы и гидронимы). Материал словарной статьи дополняется рассмотрением или представлением лексем, обозначающих данное понятие в сравниваемых языках при отсутствии генетического родства между этими лексемами (системно-семантический принцип). Кроме того, в словарной статье (разумеется, там, где это возможно) представляются и рассматриваются не отдельные слова германских языков, а серии морфем – альтернантов, различающихся прежде всего чередованием гласных (в соответствии с индоевропейским аблаутом) или реже, согласных (в соответствии с форматами, расширяющими индоевропейский корень). При этом В.В. Левицкий рассматривает по преимуществу случаи так называемого отклонения от "нормального" аблаута. Ссылаясь на теорию П. Перссона, согласно которой индоевропейский корень мог расширяться с помощью чередующихся между собой формативов *i* и *u*, автор говорит о чередовании в индоевропейском [*i*–*u* – нуль], постулируя равнозначность таких корней, как **strei*-/**streu*-/**strē*- или **hblei*-

¹ Наиболее известными этимологическими словарями германских языков являются словари А. Торпа, Э. Зебольда и Ф. Хайдерманса [Торп 1909; Seebold 1970; Heidermanns 1993].

² Отметим, что в рецензируемом словаре при каждом из приводимых германских корней-архетипов почему-то не дается общее значение корня, что усложняет пользование словарем.

*/*bhleu-/*bhlē-* [Persson 1912; Gasiorowski 1998; Nyman 1995; Mottausch 1999].

В.В. Левицкий учитывает в своем исследовании и так называемое *s-mobile*. Он полагает (т. 2, с. 233), что с фонетической точки зрения многие индоевропейские корни с начальными *ц-* восходят к корню **sūē-/*sue-*. Этот корень, в свою очередь, может быть дериватом базового **sē-/*se-*, для которого автор реконструирует значение "жила, тетива". Последнее значение, по мнению автора, позволяет объяснить синкретизм понятий "резать/рвать/связывать, соединять/гнуть, крутить" (с характерными дериватами "дрожать, колебаться, швырять", а также "звучать" и "сиять"). Форма **sē-/*se-* порождает морфемы **sei-/*seu-*, **sūē-/*sue-*, **(s)uei-/*(s)uer-*, **(s)uel-*, **(s)uen-*, **(s)uem-* и т.п., которые нередко объединяют указанные выше значения "связывать/рвать/гнуть".

Хотелось бы прежде всего приветствовать стремление автора к объединению корней, традиционно считаемых "омонимичными", во всех тех случаях, когда для такого объединения не существует серьезных формальных и семантических противопоказаний (О.Н. Трубачев называет такое исследование "решением задач на омонимы" [Трубачев 1985]). В равной мере следует весьма положительно оценить разработку автором лексико-семантических гнезд, приводимых во многих статьях рецензируемого Словаря. К сожалению, в ряде случаев в лексико-семантические гнезда автор включает слова, генетическое родство которых вызывает сомнение. Автор предлагает целый ряд собственных этимологических решений. Это касается, например следующих слов: англ. *happy*, *slow*; гот. *filhan*, *fitan*, *fraisan*, *ganaitjan*, *hugjan*, *hunsI*, *mekeis*, *neif*, *saiwala*, *siuks*, *skatts*, *skura*, *tekan*, *wepna*; нем. *Bein*, *besser*, *jäten*, *Mark*, *Nachen*, *Napf*, *Schneiden*, *schnell*, *Schoß*, *Schwade*, *schwimmen*, *Süden*, *trinken* и др. (ср. т. 3, с. 215–216).

Важное место в словаре отводится указателям (регистрам) слов и корней. В отдельном регистре собраны все имена собственные (безотносительно к языку). Регистр, условно названный "Индоевропейские корни", дает системное представление о внутригерманских лексических связях по формальным признакам (учтено большинство индоевропейских корней по словарю Ю. Покорного, рефлексy которых зафиксированы в германских языках). В указателе "Семантические процессы и закономерности" содержатся сведения об основных

типах изменения значения и о регулярных семантических связях (семантических законах) в германских языках. В "Понятийном регистре" германская лексика сгруппирована по идеографическому принципу (в регистр включены наиболее важные понятия). Кроме "Понятийного регистра" книга содержит "Ономастиологический словарь", где в алфавитном порядке представлены типичные модели семантической мотивированности слов в германских языках.

Значительную роль в этимологическом исследовании В.В. Левицкого играет так называемый "семантический синкретизм", главным образом синкретизм понятий "резать/связывать/гнуть/плести". При этом он основывается на высказываниях О.Н. Трубачева [Трубачев 1966: 250], но в большой мере на гипотезе Й. Трира, согласно которой на базе понятий "низкорослый лес", "дерево", "ветки, хворост" могли возникнуть три комплекса значений: "резать, подрубать, подчищать, ломать, расщеплять", "связывать, сплетать, вить, собирать, подгонять друг к другу" и "жечь, гореть". Сам автор выдвигает гипотезу, согласно которой в основе синкретического значения "резать/связывать/гнуть" лежит понятие "жила; манипулировать жилами" (см. т. 1, с. 43–44). К сожалению, автор никак не упоминает о том факте, что гипотеза о первичности и синкретизме значений "резать/гнуть" в индоевропейском была уже давно выдвинута Т.Дж. Такером [Tucker 1930]; основываясь на мифе о создании Вселенной (Вселенная была создана в результате разрыва Хаоса Божеством с последующим установлением Гармонии-Соединения), М.М. Маковский выдвинул гипотезу, согласно которой именно значения "резать/гнуть/соединять" являлись в индоевропейских языках "первозначениями", которые легли в основу всех других значений [Маковский 1995; 1996: 337–375; 2000б]. Гипотеза эта была доказана на большом фактическом материале и практически применена М.М. Маковским в его "Историко-этимологическом словаре современного английского языка", вышедшем в 2000 г.

Этимологические исследования много тягостят от того, что в них обычно не учитываются так называемые начальные табуирующие отрицания (и.-е. *ne-*, *ve-*, *se-*, *le-*, *me-*): многие слова, начинающиеся на эти отрицания, рассматриваются таким образом, как будто отрицания являются неотъемлемой частью корня, что, естественно, не дает возможности установления

реальных лексико-семантических связей или вообще исключает возможность этимологизирования [Маковский 1996: 314–326]. Жаль, что в рецензируемом словаре В.В. Левицкого не учитывается это обстоятельство. В.В. Левицкий в своем словаре не принимает во внимание и так называемые преформанты (типа лат. *acrima, lacrima, dacrima* "слеза": см. [Маковский 2000а: 237–246]), что также отрицательно сказывается на результатах анализа. Как показывают наши исследования, человеческий праязык состоял из ограниченного числа сочетаний г л а с н ы х, которые использовались как сугубо сакральные символы и отличались синкретизмом выражаемых ими значений. Впоследствии (опять-таки из чисто религиозных соображений) гласные "обрастали" согласными, которые ставились в начале (преформанты) и в конце (расширители, детерминативы) сочетаний гласных и олицетворяли соответственно т а б у и р у ю щ и е э л е м е н т ы (в начале сочетаний ставились также табуирующие отрицания) и т о т е м ы (разные корни могут иметь одинаковые расширители, которые относят их к одному тотему³, тогда как табуирующие элементы, стоящие в начале корня, могут быть различными в рамках одного тотема). Так, и.-е. корень **ai-* "гнуть" > "гореть" может выступать с преформантами и с "тотемом" *-l:* **bhel-* "brennen"; **ghel-* "brennen, leuchten"; **pel-* "brennen"; **tel-* "brennen" [ср. только с "тотемом" *-l:* **al/*el-* "гнуть" > "гореть", также "колдовать" и "кормить" (огонь "кормит")]; ср. то же сочетание **ai-* с "тотемом" *-g:* **bhag-* "zuteilen, als Anteil bestimmen"; **bheig-* "brennen; glänzen"; **dheg-* "brennen"; **leg-* "brennen" (др.-англ. *lieg* "Feuer"); **mag-/*meg-/*mog-* "brennen; Feuer" (кельтск. **mag-/*mog-* "Feuer"); **reg-* "brennen" (лат. *rogus* "Feuer"); ср. также сочетание **ai-* с "тотемом" *-r:* **ar-* "brennen"; **bher-* "brennen"; **gher-* "brennen" (также "съедать": огонь "съедает" бросаемую в него жертву); **ker-* "brennen"; **mer-* "brennen"; **uer-* "brennen" (ср. **uer-* "brechen"; "reißen"; **uer-* "nehmen": огонь "берет" бросаемую в него жертву). Приведенные соображения могут оказаться полезными не только при этимологизировании,

но и при исследовании вопроса о происхождении языка.

Весьма спорным в рецензируемом словаре является использование фоносемантики (идеофонии) при историческом исследовании языка. Автор пишет: «Особую роль в изменении значения слова, как показал Г. Шпербер, играет эмотивный фактор. Вслед за Г. Шпербером можно полагать, что один из главных факторов изменения лексического состава языка является эмоционально-экспрессивная окрашенность слова ("эмотивный фактор"). Эмоционально-экспрессивный компонент значения слова обусловлен, в свою очередь, наличием у слова фонетической, семантической или морфологической мотивированности. Иницируя семантические изменения отдельных слов, эмотивный фактор порождает целую цепочку дальнейших изменений, которые носят системный характер. В силу закона об обратном соотношении сферы употребления знака и его эмоционально-экспрессивного содержания мотивированные слова постепенно демотивируются, утрачивая свой эмотивный заряд, уступая место новым "эмоционально-окрашенным единицам"» (Т. 1, с. 38). Как мы пытались показать в другой своей работе [Маковский 2000в: 144], этимологический анализ, построенный на основе идеофонии и эмотивных соображений, неизбежно влечет за собой: 1) невозможность использования фонетических законов; 2) произвольность включения слов в идеофонический ряд и произвольность исходного значения (этимона), приписываемого всем словам того или иного идеофонического ряда; 3) невозможность проведения диахронического анализа, являющегося основополагающим для любой этимологизации; при этом, поскольку рассмотрение идеофонов возможно только в синхронии, не учитывается историческая изменчивость формы и значения слов; 4) невозможность выявить траекторию развития значений (метафор) и последовательность перехода значений того или иного слова; 5) невозможность установления хронологического статуса исследуемых лексических единиц; 6) игнорирование того факта, что ни одно этимологическое решение, даже самое гениальное, не является истиной в последней инстанции, а представляет собой гипотезу. Идеофония всегда однозначна, всегда замкнута в себе, всегда статична и не допускает разночтений. Между тем в современной лингвистике признана правомерность так называемой множественной этимологии, обоснованной В.Н. Топоровым: в отличие от "одномерной

³ Различные расширители при одном и том же корне относят этот корень к разным тотемам. Тотемами могли быть и определенный порядок букв в пределах слова или сочетания определенных букв.

этимологизации", признающей право на существование т о л ь к о о д н о й семантической связи и объявляющей неверными все остальные возможности соотношения смыслов, множественная этимологизация исходит из признания возможности изначального существования н е с к о л ь к и х метафор того или иного понятия (первоначально, в языческом обществе, такая множественность метафор использовалась для табуирования наряду с энантиосемией и использованием табуирующих отрицаний). В рецензируемом словаре множественная этимологизация, к сожалению, не используется. Автор рецензируемого словаря в своем исследовании не опирается и на языческую символику, что в значительной мере снижает возможности проведения анализа и отрицательно сказывается на результатах этого анализа [Lurker 1990; 1991].

Приведем некоторые примеры использования автором рецензируемого словаря "эмотивного фактора" при анализе германских корней. На с. 85 рецензируемого словаря при анализе немецкого слова *Arbeit* "работа" автор отмечает, что «в звуковом оформлении слов, означающих "труд" (независимо от их исходного значения), наблюдается наличие R – часто в контактном или дистантном сочетании со взрывными согласными: ср. франц. *TRavail*, русск. *ТРуд*, укр. *Праця*, русск. *Работа*, нем. *aRbeit*, лат. *laBoR*, рум. *luCRu*, нем. *weRK*, латышск. *daRBs*, индонезийск. *keRDja*». На с. 184 первого тома рецензируемого словаря автор говорит о "звукоподражательном происхождении" таких слов, как нем. *geben*, англ. *give* "давать", лат. *habere* "держатъ, иметь", приводя при этом ностратические параллели (семитск. *kapp* "кисть руки", *harp* "горсть"). На с. 156 первого тома словаря читаем: «Примечательно, что и.-е. **po-/pə-* "маленький", "молодое животное" и "ребенок" совпадают с первым компонентом и.-е. **pater* "отец". Если допустить, что **po-/pə-* в **pater* является лепетным словом, то следует признать идентичность обоих корней. По наблюдениям специалистов в области детской речи, нередко дети получают прозвища со своим лепетным словом... Это дает основание допустить, что **po-/pə-* с позиций ребенка было обозначением старшего мужчины в семье, а с позиций взрослых – обозначением маленького существа (ребенка, детеныша и т.п.). Ср. повторяемость одних и тех же фонетических элементов в лепетных словах, обозначаю-

щих детей и взрослых: англ. *baby* (< редупл. **ba-ha* "ребенок") – русск. *баба, бабушка...*; русск. *няня*, украинск. *ненька* "мать", еврейск. *nin* "дитя"...».

На с. 202 первого тома рецензируемого словаря автор пишет: «Примечательно, что и слово *guerre*, и слово *Krieg* включают звук *g*, который, по данным психолингвистики, обладает символически значением "сильный, твердый", а сочетания /*kt*/ и /*gt*/ в современных английском и немецком языках связаны с семима /грубый/, /сильный/, /большой/, а также /ужас/... Явными звуко-символическими свойствами обладает и англ. *struggle* "борьба": ср. нем. *Streit* "спор", *Strauß* "поединок" с тем же сочетанием /*str*/, которое, по данным экспериментов, символизирует понятия "напряженный", "тугой", "натянутый", "строгий"». На с. 259 своего словаря В.В. Левицкий высказывает следующее мнение: «...более вероятно допустить, что **jag-* (речь идет о немецком слове *jagen*. – М.М.) является звукоизобразительным словом из языка охотников со значением "улюлюкать"». На с. 12 второго тома рецензируемого словаря читаем: «Нем. *klein*, по данным экспериментов, обладает значительным звуко-символическим потенциалом, который усиливается противопоставлением /*kl*/–/*gt*/, символизирующим противоположные понятия (*klein* "маленький" – *gros* "большой"). Пройдя путь семантического развития от семы /блестящий/ через /изящный, тонкий/ до семы /маленький/, это слово достигло той точки семантического пространства, где его звучание стало коррелировать со значением (вторичный звуко-символизм). Наличие двух видов мотивированности (семантической и фонетической) позволило слову *klein* вытеснить из соответствующей семантической сферы ср.-в.-нем. *lützel* "маленький"... и *smal* "узкий, мелкий"... В английском языке, напротив, оба германских корня (англ. *little* и *small*) остались в сфере обозначения понятия "маленький", поскольку не испытывали давления со стороны *clāne*, специализировавшегося на обозначении "чистый". Однако и в английском языке корень **klein*-обладал экспрессивностью, позволившей ему вытеснить из понятийной сферы "чистый" герм. **hrain*-». Приходится только пожалеть, что автор рецензируемого словаря, с такой тщательностью разрабатывающий весьма спорный и умозрительный звуко-символизм в языке и постулирующий "лепетные слова", совершенно не уделяет внимания реальному символизму понятий,

засвидетельствованному историей языческой культуры⁴.

Провода этимологический анализ отдельных германских корней, автор иногда приводит лексико-семантические параллели постулируемой им модели семантического развития. Однако в большинстве случаев эти параллели берутся не из индоевропейских языков, а из языков других семей (нотратические языки), причем автор даже устанавливает соответствия германских корней нотратическим.

Как уже говорилось, автор рецензируемого Словаря дает целый ряд своих собственных этимологий, в ряде случаев весьма удачных и интересных. Так, на с. 133 первого тома Словаря рассматривается германский корень **deur-*: ср. др.-англ. *dear* "дорогой", нем. *teuer*, шведск. *dyr*, др.-исл. *diuri*. Происхождение этого корня в этимологических словарях считается неясным. В.В. Левицкий, однако, выдвигает следующую весьма интересную гипотезу. У ското-водческих племен богатство, ценность ассоциируется с понятием "скот". Логично допустить, что у охотников ценность измерялась добычей (дикими животными). Если принять такую гипотезу, то герм. **deuz-* точно укладывается в апофонический ряд **deuz-/*dauz-* "живое существо, зверь" > "добыча, ценность". Семантическая пропорция: англ. *deer* : *dear*, нем. *Tier* : *teuer* равна пропорции: русск. *ском* – нем. *Schatz*. На с. 138 первого тома Словаря этимологизируется немецкое слово *trinken* "пить" (англ. *drink*). Автор полагает, что это слово соотносится с и.-е. корнем **dher-* "прочный, крепкий" ("прочный" > "твердый, сухой" > "жажда" > "утолять жажду") и находятся, следовательно, в генетической связи с англ. *dry*, нем. *trocken* "сухой". В компаративистике предпринимались аналогичные попытки связать лат. *siccus* "сухой" и лат. *sitis* "жажда" (А. Вальде). На с. 142 первого тома Словаря дается этимология корня **dur-* "дверь". Автор полагает, что и.-е. **dhuer-* "проход, дверь" является вариантом и.-е. **dheu-* "дуть" с исходным значением "отверстие для прохода воздуха или дыма (в качестве параллели приводится название окна в германских языках: **we-* "глаз для ветра"). В древних жилищах, как отмечает автор, существовали верхние и боковые отверстия для воздуха (дыма) и света. По-видимому,

функции окна и двери при этом не различались, т.е. существовало единое нерасчлененное понятие "дверь/окно". Специфические функции окна вычленились, очевидно, позднее. о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что названия окна в различных индоевропейских языках не совпадают⁵. Автор, однако, не учитывает и.-е. **dher-/~dhur-* "strike, pierce, penetrate".

В отношении и.-е. корня **dur-* "дверь" следовало бы также учесть и.-е. **dho(u)-, *dhu-* "Strick, Schnur, Band, Sehne des Bogens" [Pokorný 1959: 272]. Дело в том, что, как показывает материал готского языка, понятие двери может восходить и к понятию плетения: ср. гот. *haurds* "дверь", которое восходит к и.-е. **kert-* "flechten" [Feist 1939: 250]. Отметим также, что в словаре В.В. Левицкого не дается этимология немецкого слова *Fenster* "окно"⁶. Согласно мифопоэтической традиции, окно является посредником между Божеством и людьми, сообщает им божественную благодать: ср. нем. *Fenster* "окно", но хет. *taninu-* "set in order", и.-е. **dhen-* "produce, yield", ср. также и.-е. **dei-n* "glänzen" (*-ster-* – суффикс). С другой стороны, однако, окно – отверстие для выхода души умершего человека, а также символ всего внешнего, символ перегородки между посторонним и потусторонним мирами: ср. др.-англ. *teona* "Schaden", др.-сакс. *tiono* "Böses, Unrecht" + **ster-* "unfruchtbar"; ср. также хет. *dannat-, tannata-* "empty" [Neuhardt 1978; Cowen 1979]: окно как Бездна, мировая Вагина.

Весьма интересна гипотеза В.В. Левицкого относительно соотношения англ. *bone* "кость", нем. *Gebein* "кости", *Bein* "нога" с и.-е. **bheu-* "быть, существовать", причем он истолковывает эти слова как "сущее, брэнное, материальное". На самом деле верно обратное: согласно древним представлениям, кость – символ вечности (в связи с этим следует истолковывать "вечно сущее"). Можно полагать, что др.-англ. *bān* "кость" представляет собой образование с преформантом *bh-*: и.-е. **an-* означает "душа", "дух" (кость – вместилище души).

Нем. *Getreide* "зерно" автор связывает с нем. *tragen* "нести" ("то, что уносят с поля"): т. I, с. 136.

⁵ Здесь и еще в ряде мест своего Словаря автор применяет метод "слов" и "вещей".

⁶ Отметим, однако, что и лат. *fenestra*, прототип заимствованного нем. *Fenster*, фактически не имеет надежной этимологии.

⁴ В рецензируемом словаре не используются ни специальные словари символов: см. [Маковский 2000б: 11].

На с. 195–196 первого тома Словаря дается весьма интересное объяснение соотношения таких слов, как др.-исл. *grein* "ветка", шведск. *gren* "ветка" (а также "шар" – "угол между двумя ветками") – с одной стороны, и др.-исл. *grina* "скалить зубы", норв. (диал.) *grina* "искажить рот гримасой", а также "иметь течь, протекать, пропускать воду", шведск. *grina* "злобно, коварно смеяться", нем. *greinen* "жалобно причитать, скулить", англ. *groan* "стонать". С учетом семантической типологии (ср. **smil-* "искажать лицо гримасой" < "резать, расщеплять") можно полагать, как отмечает автор, что в основе должен лежать и.-е. корень **ghrei-* со значением "резать, расщеплять". Такой корень (**ghrēi-/ghrej-/ghri-*) реконструирован в [Pokorny 1959: 457] как дериват корня **gher-* "тереть". Если исходить из более широкой семантики этого корня ("обрабатывать острым инструментом, дробить, растирать, расщеплять" и т.д.), то в конечном итоге оба реконструированных выше значения ("ветка" и "гримаса") можно совершенно обоснованно рассматривать как дериваты семы (резать). Можно также уверенно отождествлять др.-исл. *grein* "ветка" и *grein* "различие, раздор, вид, способ". Сема (расщеплять) хорошо представлена также в норв. (диал.) *greivast* "широко открыт глаза", *grivis* "разветвляться", др.-англ. *graf* "рошица", англ. *grove* "рошица". К тому же корню относятся также: др.-исл. *grima* "маска", "шлем", "загадка", англ. *grime* "сажа, грязь". Это гнездо, как отмечает автор, объединяется скорее семой /покрывать/, чем /резать/. Однако корень **grim-* соотносится с и.-е. **ghrei-* "резать, расщеплять", т.е. "расщеплять" и "покрывать" часто оказываются связанными друг с другом. Отметим, что в рассмотренном автором лексико-семантическом гнезде почему-то отсутствует др.-в.-нем. *grana* "борода"; при этом автор, видимо, не подозревает о непосредственной связи значений "волос" и "краска" (и.-е. **ker-/gher-* "краска") [Маковский 2000а: 142–148].

Следует вместе с тем отметить, что в целом ряде случаев германские корни, представленные в рецензируемом Словаре, остаются без всякого этимологического истолкования; истолкование же многих других корней совершенно неудовлетворительно.

1. Немецкое слово *Frau* "женщина" соотносится В.В. Левицким (с. 162–163 первого тома) с постулируемым им прагерманским корнем **FIR-* "ставить вперед, вытягивать, выводить" и толкуется как "госпожа" (ср. гот. *fraujinon* "Herr sein"). Такое толкование содержится во всех этимологических словарях немецкого языка. Следует прежде всего учесть, что в древности женщины не только участвовали в сражениях, но и погребались согласно обычаям воинского сословия [Джонс-Блэй 1997]: ср. арм. *her* "ссора", русск. *спор*, др.-инд. *pīṭ* "борьба". Как отмечает Б. Уолкер, "it wasn't unusual for barbarian armies to include women. Feminine magic power was often considered necessary for victory... Again and again, legends mention the women's magic cries, which made their enemies helpless" [Walker 1985: 25–26]. В этой связи показательны и.-е. **preu-/prau-* "einen Laut von sich geben". С другой стороны, следует принять во внимание тот факт, что в языческом обществе женским символом считалась Вода (в отличие от Огня – мужского оплодотворяющего начала): ср. **preu-/prau-* "Regnen". Женщины в древности рассматривались как сосуд: ср. хет. *puris* "vessel". Ср. далее: др.-инд. *pura* "Strom, Flut"; и.-е. **preu-* "sprinkle, spray, wash", литовск. *prausti* "wash, bathe". Типологический ср.: нем. *Weib* "женщина", но тох. А *wip* "мокрый". Следует, кроме того, учесть, что вода в древности воспринималась как плетение, в связи с чем следует учесть русск. *су-пру-га*, др.-русск. *сѣпружеться* "состоять в половой связи", др.-инд. *pravésin* "kohabitierend". Ср. русск. *за-пря-затя*, болг. *за-пря-зам* "стягивать, соединять". Женским символом считался в древности шар, круг: ср. и.-е. **spṛā-* "ball; circle": и.-е. **spēr-* "drehen". Типологически ср. др.-русск. *коло* "круг", но тох. А *kuli* "женщина"; др.-сев. *vorð* "женщина", но др.-инд. *vartula* "круглый".

2. В.В. Левицкий соотносит немецкое слово *Maus* "мышь" с лат. *musculus* "мышкул" и с др.-инд. *muṣṇāti* "воровать" (т. 2, с. 74). Рассмотрим этимологические связи этого слова подробнее.

Как справедливо отмечает В.Н. Топоров, многие мифологические представления о музах (греч. μουσα) в греческой мифологии совпадают с представлениями о мышах: родители и мышей являются громовержец (или небо) и Мать-Земля

(жена громовержца): ср. карийск. *mus/mas* "божество" и др.-англ. *mus* "мышь". В этом плане интересно сопоставить и др.-инд. *musala, mausala* "Stock, Keule" (язычники поклонялись столбам, олицетворявшим для них Божество); родители же муз являются Зевс-громовержец, или Уран (небо) и Мнемосина, или Гея (земля). Место рождения и обитания мышей и муз – Гора (вместилище Огня) и Вода. Ср., с одной стороны, нем. диал. *Mauch, Mauger* "гора, холм", а с другой, англ. диал. *mose* "to burn slowly"; ср. литовск. *mūšti* "бить" > "высекать огонь": типологически Ср. русск. диал. *смагать* "бить", но русск. диал. *смага* "жар, пламя"; ср. также и.-е. **meu-s* "двигаться": эпитет Огня "находящийся в движении". Вместе с тем ср. и.-е. **meu-s* "сырой", осет. *mizun, mezun*, протекать", др.-сев. *mysa* "saure Molken", исл., норв. *mysa* "Buttermilch". Вода, согласно древним представлениям, – женское начало: ср. нем. *Maus* "мышь" и нем. диал. *Maus, Moß* "девушка": типологически ср. лат. *sorex* "мышь, землеройка", но и.-е. **sor-* "женщина"; понятие воды связано с понятием еды (ср. нем. *Schmaus* "угощение"; типологически ср.: русск. *влага*, но литовск. *valgyti* "есть, съедать"), а понятие еды непосредственно соотносится с понятием соития: мышь – фаллический символ (ср. литовск. *mausti* "brunstig sein", *mausis* "brunstiges, stößiges Tier"; типологически ср.: литовск. *pele* "мышь", но др.-инд. *pelah* "половые органы"; русск. диал. *поткан* "крыса", но русск. диал. *потка* "мужской половой член") Ср. [Grohmann: 1962].

Понятие Огня (ср. англ. диал. *to mose* "to smoulder, to burn slowly", норв. диал. *mosen* "warm, sultry") непосредственно связано с понятием Силы (ср. тох. А *muk* "сила, мощь"), которое закономерно соотносится с понятием Богатства, Собственности (ср. нем. *Schmuck* "драгоценности", др.-инд. *mūsti* "Handvoll"; "Faust"; и.-е. **muk-* "Haufe, große Menge": др.-англ. *mēagol* "stark"). Все указанные значения связаны с исходным значением "бить, разрывать": 1) "бить, высекать" > "огонь" 2) "бить, ударять" > "сила" (огня); 3) "бить, ударять" > "огонь" > "хватать, брать" (огонь "берет" жертвоприношение) > "богатство" > "иметь, обладать"; значение "бить, ударять" (ср. литовск. *mūšti* "бить") может также лежать в основе значения "быть, существовать, возникать": ср. др.-инд. *mīṣati* "возникать", тох.

А *māsk* "быть, становиться, превращаться". Значения же "иметь" и "быть" часто лежат в основе значения "долженствовать": ср. нем. *müssen* "долженствовать". англ. *must* "долженствовать" (имеется в виду сверхъестественная сила Мыши: она может и исцелить, и погубить). В этой связи интересно сопоставить англ. диал. *mausie* "крепкий, плотный" (но также англ. диал. *bausie* "крепкий, плотный": ср. др.-инд. *bhīṣaj* "cure, heal, make strong"). Типологически ср.: и.-е. **pel-* "stoßen, schlagen" – **pel-* "brennen" – **pel-* "verkaufen, verdienen; Lohn" (> "Schatz") – нем. *be-fehlen* "велеть, распоряжаться, командовать" (> "долженствовать"). Кроме того, мышь считалась хранительницей подземных богатств: ср. лат. *mus* "мышь", нем. *Maus* "мышь", но греч. $\mu\upsilon\chi\acute{o}\varsigma$ "внутренность, недра". Понятие мыши связано также с понятиями Порядка, Гармонии, Музыки: ср. лат. *mus* "мышь", но нем. *Musik*, англ. *music*; типологически ср.: др.-инд. *giriḥ* "мышь", но и.-е. **ger-* "издавать звуки"; литовск. *pele* "мышь", но и.-е. **pel-* "издавать звуки". Интересно сопоставить индо-арийск. *muss-* "sob; laugh" (в древности смех и громкие причитания, как и мышь, использовались для исцеления)

3. В словаре В.В. Левицкого отсутствует этимология немецкого слова *gestern* "вчера". Рассмотрим это слово. Речь идет об индоевропейском корне **ghdiēs*, который означает не только "вчера", но и "завтра" (как в готском): ср. [Pokorný 1959: 416]. Можно высказать следующую гипотезу. Рассматриваемый корень соотносится с и.-е. **ghaida-* "Ziegenbock, Ziege; Vieh", а также с и.-е. **ghed-* "to acquire"; другие варианты этого корня соотносятся с англ. диал. *to gist* "to put out cattle to pasture"; *a-gist* "grazing on the field". Речь идет о времени выгона скота на пастбище (ср. и.-е. **ghei-so*, **ghei-dh* "antriben, lebhaft bewegen" и гот. *gistra-dagis* "утром") или о времени привязывания скота вечером в стойле (ср. и.-е. **ghad-* "festbinden, festhalten"; **ghais-* "haftenbleiben, steckenbleiben"), а также о времени отвязывания скота утром перед выгоном (ср. и.-е. **gei-dh* "schneiden, spalten"). Типологически ср.: др.-ирл. *imbúaruch* "this morning" < **(en) + *g^wowi + *rigoi* "when the cow (is) bound"; др.-ирл. *imbárach* "tomorrow mornin g" < **(en) + *g^wom + *rigom*: **(in) + ban + rigon* "until the cow (is) bound" [Ahlqist 1977].

Подобным же образом немецкое слово *früh* "рано" буквально означает "время" (тох. А *preke* "время") отвязывания (хет. *parš* "zerbrechen") скота (греч. πόρις "Kalb, junge Kuh", англ. диал. *pur* "a male lamb", а также др.-инд. *pūrtá* "Lohn", греч. περίσω "покупая": скот как богатство). Таким образом, в пределах одного и.е. корня **per-* "отрезать, преломлять, ломать" оказались наслонными друг на друга две метафоры, производные от этого корня – "время" ("то, что делится": типологически ср. англ. *time* "время", но и.е. **tem-* "делить, разделять, разрывать") и "богатство" > "скот" (в древности при покупке/продаже обычно преломляли ветку).

Возвращаясь к немецкому слову *gestern* "вчера", следует указать на то, что приведенный выше и.е. корень **ghdhjés* имеет несколько вариантов: **gher-* (ср. **gher-* "brennen"), **ghes-* (ср. польск. *gusla* "колдовство"; и.е. **gheis-* "aufgebracht, bestürzt, erschreckt sein" и, возможно, хет. *kiša* "быть, существовать")⁷. Возможно полагать, что рассматриваемый корень выражает идею "высокого огня" (Божество; восход солнца, утро) и низкого огня ("вечер"): в древности эти значения обычно совмещались в одном слове. Следует отметить, что слова со значением "огонь; гореть" соотносятся со словами, означающими как "высокий", так и "низкий". Ср. и.е. **gher-* "гореть", русск. *жар, жарить*, но русск. диал. *жаровой* "высокий", а с другой стороны, и.е. **gher- / *ghes-* "гореть", но вульг. лат. *bassus* "низкий". Типологически ср.: др.-англ. *lieg* "огонь", но др.-сев. *lāgr* "низкий".

4. "Свобода" в древности означала прежде всего Связь, Целостность (ср. др.-инд. *ṛi* "целостный"), единство вселенских Начала и Конца (ср. др.-инд. *para* "bester; höchster Gipfel", но также "schlimmster; Fremder; weiteste Ferne", а главное – "Allseele"), а также непрерывность. В этом плане следует рассмотреть немецкое слово *frei* "свободный". Целостным в языческом обществе считался Огонь (переплетение языков пламени), который приравнивался к Божеству и был предметом ритуального поклонения: ср. нем. *frei* "свободный",

но и.е. **prei-* "brennen, glänzen, leuchten"⁸. Типологически ср.: лат. *liber* "свободный", но и.е. **leip-* "гореть" (сюда же: литовск. *labas* "хороший; ценный"); русск. *свобода*, но и.е. **kuei-bh* "brennen, glänzen". Огонь считался мужским оплодотворяющим началом, источником продолжения рода (ср. типологически др.-инд. *su-* "гореть", но также "оплодотворить женщину"). В этом плане можно сопоставить и.е. **pes- / *per-* "мужской половой член". Огонь – один из элементов древней энантиосемической диады "огонь–вода", причем жидкость, вода, дождь понимались как божественное семя, оплодотворяющее Землю: ср. англ. диал. *perry* "ливень, проливной дождь", чешск. *pršet* "to rain", тох. А *pärs-* "лить". Продолжение рода (ср. также лат. *pariō* "рожать") считалось в древности категорией непрерывности и целостности. Отметим в связи с этим, что половые органы приравнивались в древности к Божеству и были предметом поклонения (ср. англ. диал. *frei* "superstitious observance or rite; a charm, an omen, a prediction"; и.е. **per-* "чудо": рождение ребенка считалось величайшим чудом). Свобода в древности соотносилась также с понятиями вселенской Связи, вселенского божественного Порядка и Гармонии: ср. и.е. **per- / *pel-* "reißen/binden" и греч. περίκτς "Reif zum Festhalten der Speerspitze am Schafte"⁹.

⁸ Понятие огня непосредственно связано с понятием души (ср. лат. *spirō* "дышать", др.-англ. *feorh* "душа"). Типологически ср. и.е. **leip-* "гореть" – латышск. *elpēt* "дышать" и лат. *liber* "свободный". Ср. также др.-инд. *Parjanya-* "Gewittergott", литовск. *perkūnas* "Donner, Blitzschlag". Можно учесть также и.е. **perg-* "столб" (язычники поклонялись столбам) и и.е. **perg-* "бояться" (божества); ср. еще **pret-* "verstehen" (Мировой Разум, Божество как олицетворение вселенской Свободы).

⁹ Типологически ср.: русск. *свободный, свобода*, но и.е. **sueib-* "связывать, скручивать"; тох. А *sopi* "Netz".

Рассматриваемое немецкое слово *frei* вполне можно соотносить с и.е. **prai-* "gern haben, schonen, friedlich-frohe Gesinnung" [Pokorný 1959: 844–845], как это делается во всех этимологических словарях немецкого языка (В.В. Левицкий присоединяется к этой этимологии), в правовом значении "zu denen gehörig, die man gern hat und schon" (свободный член клана). Этот корень, безусловно,

⁷ Ср. также и.е. **ghaiso-* "Stange, Stock" (возможно, имеется в виду огненная вертикаль сакрального костра; следует иметь в виду, что язычники поклонялись столбам).

Следует также иметь в виду тот факт, что понятие свободы в древности могло пониматься и как "свобода кровотока" при обряде кровопускания, которое рассматривалось как возвращение к божественному Первоестеству, к первоначальному мировому Океану: ср. литовск. *peĩi* "рассекать, пускать свободный кровоток". В откровении-кровопускании есть чувство облегчения и экстаза, чувство покоя и тишины, чувство обретения единого архаического тела. синхронизации ритмов Космоса.

Интересно соотношение значений "жидкость" – "свобода": тох. А *war* "вода, жидкость", но литовск. *arvas* "свобода"; др.-инд. *mic-* "befreien, freilassen", но русск. *мок-рый* (и.-е. **meu-* "жидкость; жидкий"); и.-е. **lei-* "лить" (др.-англ. *lið* "яблочное вино"), но лат. *liber* "свободный".

В представлении язычников вселенская Целостность, равнозначная понятию Свободы, олицетворялась также понятием абсолютного божественного Времени (ср. нем. *frei*, но англ. *spur* "отрезок времени"), тох. А *preke* "время, вечность"). Символом Целостности–Свободы считалась связь посюстороннего и потустороннего миров: ср. гот. *fera* "Seite" [Eliade 1938]. Намечается следующая мифопоэтическая парадигма: "плетение–связь" – "огонь" (огонь как плетение) – "вода" (вода как плетение) – "свет" – "звук" – "божественная сила" – "божественное движение" и, наконец, Змей, Змея (символ переплетающегося пламени и одновременно олицетворение плетения вод, а также символ божественной силы, символ божественного движения). Все члены этой парадигмы входят в понятие Божественной Стихии, которая, в понимании язычников, была наиболее ярким выражением б о ж е с т в е н н о й С в о б о д ы: ср. и.-е. **per-* / **pel-* "распоряжаться" [лат. *im-periõ*, нем. *be-fehlen* "распоряжаться, изъяслять (божественную) Волю"] – др.-англ. *faran* "двигаться" – тох. А *pal* "природа" – и.-е. **per-* / **pel-* / **pal-* "издавать звуки" – и.-е. **prei-* "свет, огонь". Относительно соотношения значений "свободный" – "змея" ср. англ. *free* "сво-

бодный", но англ. диал. *free* "червь, змея" (ср. англ. диал. *perry* "ливень", тох. А *pãrs-* "лить"); типологически ср.: лат. *liber* "свободный", но исл. *liðr* "змея" (ср. также лат. *liberi* "дети", и.-е. **lei-* "хотеть, повелевать", **lei-* "лить", **lei-* "гореть"); русск. *свобода*, но др.-англ. *wibba* "жук, насекомое" (буквально "летающий": змей в верованиях различных народов имел крылья и летал). Можно полагать, что гот. *freis*, англ. *free*, нем. *frei* "свободный" являются образованиями с преформантом: ср. и.-е. **ar-* "связывать, сплести, устанавливать божественную Гармонию"; литовск. *arvas* "свободный", хет. *arawwis* "свободный"; бретонск. *aer* "змея": и.-е. **ar-* "говорить, приказывать": и.-е. **er-* "двигаться": и.-е. **er-* "разрывать" (божественный разрыв Хаоса как предпосылка Божественного творения: и.-е. **ar-* "творить").

Следует отметить, наконец, что понятие Свободы в древности отождествлялось с понятием Мировой Души и с понятием божественно созданного Мироздания: ср. др.-англ. *feorh* "душа", но также "Вселенная, Мироздание". Мироздание олицетворялось Мировым деревом (и.-е. **perk-* "дерево, дуб") и Мировой Горой (гот. *fairguni* "гора").

5. Немецкое слово *jetzt* "сейчас" В.В. Левицкий соотносит (т. 1, с. 74) с сочетанием нем. *je + zu*, как это обычно делается во всех этимологических словарях немецкого языка. Нам представляется, однако, что дело обстоит намного сложнее. В свете языческих верований о циклическом "рождении" и "умирании" Космоса важно учесть то обстоятельство, что Рождение (в том числе и циклическое рождение Времени) мыслилось в древности как р а з р ы в (ср. др.-в.-нем. *jetan* "schneiden" и др.-сев. *geta* "erzeugen", др.-сев. *geð* "Sinn, Verstand": Божественный Разум). Разрыв мыслился как божественное Движение (и.-е. **ghei-* "lebhaft bewegen")¹⁰, как проявление божественной Силы (и.-е. **gʷeid-* "Gewalt"). Будучи творческим началом, Разрыв рождал "сейчас" человеческого Бытия. Типологически ср.: и.-е. **tem-* "разрывать" – тох. А *tãt* "рождать" – англ. *time* "время"; и.-е. **cer-*

входит в семантическую парадигму "связывать, делать цельным". Однако на основе только одного этого корня нельзя воссоздать всю мифопоэтическую и культурно-историческую канву, в лоне которой развивалось понятие "свобода" в индоевропейском.

¹⁰ Типологически интересно отметить, что нем. *nun* "сейчас" в немецких диалектах употребляется как существительное со значением "движение": ср. нем. диал. *in Nu* "sehr schnell". *из ЭНЦИКЛОПЕДИИ "СВЯТЫЙ ОТЕЦ" УДНН*

"разрывать" – осет. *warun* "рождать" – греч. *ώρα* "время", и.-е. **uer-men* "время"; и.-е. **bher-* "разрывать" – и.-е. **bher-* "рождать" – др.-англ. *hyre* "время". Интересна этимология некоторых слов со значением "сейчас": литовск. *dabar* "сейчас" < *da* (< *dar*) "прямо, сразу, уже, непосредственно" + и.-е. **bher-* "рождать" (возможно и другое объяснение этого слова: **dab-* "rechtzeitig" + **ar-* "родить": ср. осет. *aryn* "родить"); ср. далее: бретонск. *brema* "сейчас" < **bher-* "родить" + **mā-* "rechtzeitig" [Pokorny 1959: 693]; хет *kinum* "сейчас", но и.-е. **gen-* / **ken-* "родить".

Можно, однако, подойти к этимологии нем. *jetzt* "сейчас" и иначе. Следует иметь в виду, что стойбище рода (клана), т.е. место, где ж и л тот или иной род, олицетворяло для язычников первозданную Вселенную, которая описывалась такими метафорами, как "истинная", "настоящая", "умытая, чистая". Язычники мыслили свою жизнь таким образом, как будто она протекала именно в то время, когда Божество творило Вселенную, т.е. каждый раз "сейчас" [Элиаде 2000], что отразилось и в религиозных обрядах, основное место в которых отводилось повторению тех действий, которые они считали божественными и, в частности, повторению одних и тех же барабанных звуков, которые, по их убеждению, перемещало их в божественное "сейчас", в "истинное, настоящее время" (ср. др.-сев. ит *trefflich*): ср. авест. **īiti-* "Leben" [Pokorny 1959: 467–469, ср. 355–356]; др.-инд. *yati* "bleiben, wohnen"; др.-инд. *jiti* "Sieg, Gewinn"; др.-инд. *jati* "Echtheit": др.-инд. *jati* "Familie, Geschlecht". Типологически ср.: арм. *hup* "гнездо" (и.-е. **bhū-* "быть, существовать, жить") > "стойбище рода"; это слово, однако, означает также "истинный", "настоящий" и одновременное "настоящее время, сейчас"; ср. в русском: *настоящий*, но настоящее (время). Интересно соотношение значений "толпа, род" и "время", с одной стороны, и "место" и "время" – с другой. Ср.: ирл. *aimser* "время", но прусск. *amsis* "народ"; др.-англ. *tid, tyd* "время", но гот. *fiuds* "народ"; тох. А *preke* "время", но др.-в.-нем. *firihi* "народ"; англ. *spell* "промежуток времени", но русск. *племя* (**pel-men*). С другой стороны, ср.: латышск. *vieta* "место", но и.-е. **uet-* "время"; лат. *templum* "священное место", греч. τόπος "место", но лат. *tempus* "время"; др.-англ. *tid* "время", но др.-англ. *stede* "место"; горнийск. *gwel* "поле", ирл. *falach* "дом", но гот. *hveila* "время", др.-англ. *hwil* "время"; др.-англ. *sael*

"комната"; "зámок", но др.-англ. *sæl* "время", гот. *saljan* "жить, обитать". Относительно перехода значения "настоящий" в значение "время" ср.: греч. δικάιος "истинный, настоящий", но гот. *þeihs* "время"; лат. *verus* "истинный, настоящий", но греч. ὥρα "время"; др.-в.-нем. *erchan* "настоящий, истинный", но и.-е. **rek-* "время".

Наконец, существует еще одно объяснение происхождения немецкого слова *jetzt* "сейчас". Божественное творение мыслилось таким образом, как будто из Пустоты (или на месте Пустоты) возникли Божественные Явления, Божественные Нечто (иначе – Вещь, Предмет): ср. лат. *objectum* "то, что выбрасывается, т.е. является, Божеством" и русскую кальку *пред-мет*. В этой связи следует принять во внимание др.-англ. *céat* "нечто, предмет, явленный Божеством"¹¹. Первоначально слова со значением "предмет, нечто" осмыслились как демонстративы, которые затем приобрели темпоральное значение: "Вот (появилось божественное Нечто!)" (ср. русск.: *он вот-вот придет*) > "Вот!" > "Вот уже!" > "Вот сейчас (появилось)!" > "Сейчас!". В этой связи интересно принять во внимание русское словосочетание *только что* "сейчас", где *только* раньше означало "как раз, именно, вот", а *что* первоначально означало "Нечто, явленное Божеством". Ср. др.-инд. *jatas* "sofort, sobald", др.-англ. *giet* "noch, wieder", англ. *yet*, англ. диал. *jettus* "just now, at present". Типологически ср.: латышск. *lieta* "вещь, объект", но др.-сев. *leið* "время"; тох. А *wram* "вещь, объект, нечто", но русск. *время*. Важно также учесть следующее. "Сейчас" – это как бы край, конец

¹¹ Ср. также: гот. др.-фризск. *skett* "Geld; Vieh", русск. *скот* (богатство в древности символизировало божественную силу); типологически ср.: литовск. *naudà* "Gewinn, Habe, Besitz", латышск. *nauda* "Geld", др.-русс. *нута* "Hornvieh", но др.-англ. *nu*, др.-в.-нем. *nu* "сейчас" (акросиллабические образования, обусловленные табуированием); др.-англ. *hriðer*, др.-сакс. *hrith*, греч. кратή "корова; рогатый скот" > "богатство", но прусск. *kerdan* "время". Таким образом, мы имеем дело с семантическим переходом: "нечто" > "вещь" > "богатство" > "явленная божественная сила" > "момент явления божественной силы". Отметим, что рогатый скот (символ богатства) в древности считался божеством.

прошедшего и край будущего. В связи с этим интересно сопоставить арм. *jet* "хвост, конец". Типологически ср. хет. *kinum* "сейчас", но и.е. **ken-* "конец".

6. Остановимся теперь на этимологии немецкого слова *Kneipe* "пивная, харчевня; погребок", которое В.В. Левицкий соотносит с нем. *kneipen* "сжимать" и объясняет как "место, где теснятся" (т. 2, с. 17). Нам представляется, что нем. *Kneipe* соотносится с и.е. корнем *(s)*ken-* "жать, бить, выжимать" (в частности, в отношении винограда при изготовлении вина), в связи с чем следует учесть, с одной стороны, осет. *saen* "вино", нем. *Schnaps* "вино" < *(s)*knei-po*, а с другой стороны, нем. *knei-pen*, *knei-fen* "жать, сжимать, выжимать", а также др.-инд. *nīpāna* "Trank"; "Trinken" (без начальной *k-*). Типологически ср.: др.-англ. *liðian* "бить, мять", но др.-англ. *lið* "яблочное вино"; и.е. **ghel-* "сжимать, тереть, бить", но и.е. **gela-* "вино". К тому же корню, что и нем. *Kneipe*, принадлежат др.-англ. *cinan* "разрывать, расщеплять", латышск. *ciņa* "борьба". Эволюция корня: *(s)*ken-* > *(s)*knei-* > **knei-* и с расширителем **knei-po*: букв. "место, где пьют вино".

7. В.В. Левицкий соотносит немецкое слово *kein* "никакой" с др.-в.-нем. *nih-ein* "ни один" (ср. отрицание *nein*: с. 72 рецензируемого словаря), что совпадает с этимологией этого слова, приводимой во всех этимологических словарях немецкого языка. Нам представляется, что нем. *kein* следует сопоставить с др.-инд. *hiná* "mangelhaft, gering; frei von, ohne", *hanoti* "vertilgen; aufgeben".

Вместе с тем следует учесть тот факт, что понятие "пустой" соотносится с понятием "двигаться; движение" (согласно древним представлениям, движение возникло из пустоты). Ср. в связи с этим греч. κινεῖν "двигаться", но греч. κενός "пустой", ионийский диалект др.-греч. κενός, арм. *sin* "пустой". Типологически ср.: гот. *ga-leiþan* "двигаться", но нем. *ledig* "пустой"; др.-англ. *liran* "идти, двигаться", но нем. *leer* "пустой"; осет. *tox* "быстрое движение", но латышск. *tukšs* "пустой"; др.-англ. *lacan* "быстро двигаться", но англ. *lack* "mangeln"; и.е. **ghei-* "sich bewegen", но и.е. **ghei-* "mangeln; leer".

С другой стороны, значение "разбивать, раскалывать" также может соотноситься со значением "пустой", "ничего": ср. др.-англ. *cinan* "brechen, spalten", но нем. *kein*.

Типологически ср.: литовск. *daužti* "to strike, cut, beat", но англ. *duck* "ничего" (ср. англ. диал. *duck for dinner* "на обед нет ничего"); и.е. **kes-* "раскалывать", но лат. *cassus* "пустой".

Согласно древним представлениям. Слово (ср. и.е. **kens-* "feierlich sprechen" [Pokorny 1959: 566–567]) возникло из Пустоты (ср. греч. κενός "пустой", др.-инд. *kināśa* "arm, leer"). Типологически ср.: др.-англ. *ǣmetig* "пустой", но исл. *oemta* "to speak, to pronounce"; и.е. **yak-* "издавать звуки", но лат. *vacuus* "пустой"; и.е. **rek-* "говорить, издавать звуки", но др.-инд. *ric-* "опорожнять", *rikta-* "пустой".

Далее следует учесть, что корень **kei-* может означать не только движение, но и движение горения, движение пламени (ср. гот. *skeinan* "гореть, сиять"), а с другой стороны, может выступать в значении "лежать, класть" (ср. и.е. **kei-* "лежать, класть": хет. *kinu* "класть"). Что касается значения "гореть", то на основе энантио-семии оно тесно связано со значением "погаснуть, исчезнуть": ср. и.е. **pel-* "гореть", но тох. *A pal-, päl-* "s'éteindre"; др.-в.-нем. *wahan* "гореть", но лат. *vacuus* "пустой"; и.е. **tep-/top-* "гореть", но англ. *to stop* "остановиться". Что же касается значения "класть", то важно учесть, что горизонтальное положение в древности символизировало все тленное (ср. ирл. *cin* "вина, изъян"), все непостоянное, все исчезающее в отличие от вертикального положения, которое олицетворяло все божественное и вечное.

8. Танец в языческом миропонимании имел прежде всего фаллическое значение: он символизировал соитие, оплодотворение Небом-Божеством Матери-Земли, причем соитие обычно уравнивалось с борьбой как творческим началом. Ср. в этой связи: нем. *Tanz*, англ. *dance*, франц. *danse*, но хет. *tenzi* "they approach sexually" (ср. хет. *tiyazzi* "approach, approach sexually"). Далее можно сопоставить: и.е. **dhen-* "produce, yield" (ср. ирл. *din* "generation") + **sei-* "säen", а также др.-англ. *ðān* "feucht" + **sei-* "лить" (семя), "оплодотворять", **sei-/soi-* "feucht"¹². Следует также учесть: гот. *at-þinsan* "тянуть".

¹² Ср. также: и.е. **dhen-* "fließen" [Pokorny 1959: 249]: тох. *AB tsän* "fließen"; В *tsnam* "écoulement"; лат. *fons* "Quelle", др.-инд. *dhanvati* "fließend"; др.-инд. *danu-* "Flüssigkeit"; осет. *don* "Wasser"; др.-инд. *dāna* "Brunst; Brunstsafft".

натягивать(ся)", др.-в.-нем. *dansōn* "натягивать(ся), растагивать(ся)": о пенисе; лат. *tonsilla* "Pfahl" (пенис), норв. диал. *dasa* "become faint", др.-сев. *dasask* "become exhausted" (сексуальный экстаз), ср.-англ. *dasen* "betäuben", но с другой стороны, хет. *dassus* "сильный, крепкий" (эрекция пениса; соитие как приобщение к божественной силе). Типологически ср.: арм. *par* "танец", но тох. А *pārs-* "лить", англ. диал. *perry* "ливень" (дождь как божественное семя, проливаемое Небом на Мать-Землю), лат. *pariō* "родить", лат. *sper-ma* "мужское семя", ср. еще: гот. *plinsjan* "танцевать, плясать", но и.-е. **pel-* "лить" (сперму), др.-инд. *pelah* "половые органы"; греч. ὄρχεομαι "танцевать", но греч. ὄρχις "половые органы", ср. и.-е. **reg-* "лить" (лат. *rigare* "лить"), хет. *ark* "coire".

Первоначально танец возник как подражание неровному горению, движению сакрального огня, "танцам" языков священного пламени¹³. В этой связи следует принять во внимание и.-е. **dei-n-so / *dau-n-so* "brennen, hell glänzen, schimmern". К тому же корню относятся и.-е. **dhes-* "andächtig, fromm, heilig"; др.-инд. *dhiṣṇya* "fromm"; хет. *dassus* "strong"; типологически ср.: гот. *plinsjan* "танцевать", но и.-е. **pel-* "гореть"; алб. *kercej* "танцевать" (это слово одновременно означает "лить": о выливаемом семени), но и.-е. **ker-* "гореть", др.-англ. *tindan* "зажигать", но др.-инд. *taṇḍi* "вид танца". Танец символизировал "брак" огня и воды.

Движущиеся языки пламени метафорически и символически отождествлялись с зубами (символ божественной силы и сексуальной потенции), с руками (символ божественной силы). Интересно в этой связи

¹³ Индоевропейский корень **kei-* "гореть" непосредственно соотносится с и.-е. **kei-* "цвет, краска" (горящего огня). Именно от этого корня образованы и.-е. **kei-no*: русск. *синий*. Синий цвет в древности символизировал тот мир, где обитают только боги и души умерших; этот мир служил как бы перегородкой между смертными людьми и божествами. Основная символика синего цвета – это экстаз. Типологически ср. французскую идиому *je ne vois que du bleu* "я ничего не вижу", букв. "я вижу только синее"; ср. также русскую идиому – *ни зги не видать*, где слово *зга* – застывшее заимствование из персидского (перс. *zag* "синий").

сопоставить лат. *dens* "зуб" и нем. *Tanz*, англ. *dance*, ст.-франц. *daunce* "танец". У язычников практиковались танцы вокруг зерна: ср. др.-инд. *dhānyà* "Getreide, Korn".

В.В. Левицкий придерживается старой этимологии немецкого слова *Tanz* "танец", связывая это слово с германским корнем **finh-* "тянуть" (т. 2, с. 217), как это делается во всех этимологических словарях немецкого языка: речь идет о так называемом "круговом танце" (*Reigentanz*), при котором танцующие крепко держатся за руки и время от времени тянут друг друга то вправо, то влево.

9. В.В. Левицкий считает немецкое слово *Affe* "обезьяна" древним миграционным словом (*Wanderwort*), засвидетельствованным, в частности, и в семито-хамитских языках. Никакой этимологии этого слова в словаре не содержится, а английское слово *monkey* "обезьяна" вообще не рассматривается. Следует прежде всего отметить, что согласно древним индийским поверьям, обезьяна считалась покровителем дождя. С другой стороны, дождь считался семенем, которым Небо оплодотворяет Землю (в Индии бесплодные женщины обнимают статую священной обезьяны Ханумана с целью забеременеть): ср. в этой связи, с одной стороны, и.-е. **ap-* "вода, жидкость, дождь", а с другой, – хет. *ep* "зачинать (ребенка)". Показательно, что в различных языках понятие обезьяны часто связывается с понятием опьянения: ср. нем. арго *Affe* "опьянение", чешск. *opice* "опьянение", букв. "обезьяна".

Подобным же образом англ. *monkey* "обезьяна" соотносится с нем. диал. *Munk* "жидкая масса, каша", лат. *mucus* "слизь, жидкость", исл. *mugga* "Nebelregen". С другой стороны, ср.: англ. *monkey* "обезьяна", но индо-арийск. *moha* "swoon", а также америк. сленг *to carry the monkey, to suck the monkey* "быть в состоянии опьянения".

Вместе с тем обезьяна в древности соотносилась с понятием чудодейственной силы: ср. нем. *Affe* "обезьяна", но лат. *ops* "сила, мощь"; англ. *monkey* "обезьяна", но тох. А *mik* "сила, мощь". Обезьяна – символ злой силы, колдовства: ср. тох. А *ur* "делать, совершать" (колдовство).

10. На с. 43 второго тома рецензируемого словаря В.В. Левицкого немецкое слово *leben* "жить" связывается с герм. **lib-* "приклеиваться; липкий; липнуть" > "оставаться,

существовать" > "жить". Такая этимология является традиционной и постулируется во всех этимологических словарях немецкого языка. Нам представляется, что при этимологизации указанного немецкого слова необходимо учитывать следующее. В языческом обществе Жизнь приравнивалась к Божественному Огню, центром которого в антропоморфной модели Вселенной (человеке-микрокосме) считался живот: ср. нем. *leben* "жить", но и.-е. **leip-* "гореть"; "огонь", а также англ. диал. *lebb* "желудок теленка", нем. *Leber* "печень". Типологически ср.: осет. *coeryn* "жить", но и.-е. **ker-* "гореть" и валлийск. *croth* "живот; матка", и.-е. **gʷei-* "жить", но и.-е. **keu-* "гореть; огонь", англ. *gut* "кишка". С немецким словом *leben* "жить" следует также сопоставить латышск. *elpēt* "дышать" (огонь считался олицетворением души).

11. На с. 36 второго тома рецензируемого словаря В.В. Левицкий соотносит немецкое слово *lieben* "любить" с и.-е. **leubh-* "желать, любить". Нам представляется, что указанное слово соотносится с и.-е. **leip-* / **leib-* "гореть"; "огонь": речь идет о почитании Огня, об обожествлении Огня. С другой стороны, огонь для древнего человека означал "очаг" – символ своего рода в отличие от других ("враждебных") родов [ср. и.-е. **leip* "гореть"; литовск. *lopšna* "schwanger", греч. *λεῖβω* "лить" (семя)]. Вместе с тем ср.: др.-в.-нем. *gi-libida* "vow", валлийск. *llwf* "клятва", а также др.-инд. *lā bhate* "брат, хватать" > "зачать". Важно также учесть англ. *loop* "узел" (связь членов рода)¹⁴.

12. В.В. Левицкий неуверенно связывает немецкое слово *Lied* "песня" с лат. *laus* "хвала". Нам представляется, что рассматриваемое немецкое слово соотносится с и.-е. корнем **lei-* "лить" (ср. др.-англ. *līd* "яблочное вино"). С точки зрения древнего человека устанавливается связь по смежности: "жидкость льется" > "звук льется". Ср. семасиологические параллели: и.-е. **ag-* "издавать звуки", но лат. *aqua*

"вода": др.-инд. *nadati* "издавать звуки". но и.-е. **nad-* "мокрый"; и.-е. **rek-* "издавать звуки", но русск. *река*.

13. На с. 214 первого тома рецензируемого Словаря автор высказывает мнение, что происхождение таких слов, как англ. *hand*, нем. *Hand*, шведск. *hand*, др.-сев. *hǫnd* "рука", – "неясно". Следует отметить в этой связи, что рассматриваемые слова, безусловно, соотносятся с и.-е. *(s)*kend-* "высекать" (огонь) > "гореть", "светить": ср. лат. *candere* "гореть" ("обхватывать языками пламени": ср. гот. *frahinþan* "схватить"). Руки, пальцы, а также волосы и трава в древности отождествлялись с языками пламени. Понятие огня и света в древности связывались с понятием звука (лат. *cantare* "петь") и с понятием божественной силы (ср. валлийск. *cadarn* "сильный"). Кроме того, понятие огня, языков пламени (а следовательно, и руки) соотносилось с понятием правды: рука уподоблялась языку пламени, а огонь выступал как очищающее начало: ср. хет. *handuz* "правда". Типологически ср.: и.-е. *(dh)*len(gh)-* "гореть" (ср. др.-англ. *lieg* "огонь"), но русск. *по-длинный* (сюда же и др.-русс. *длань* "рука").

14. На с. 209 первого тома рецензируемого словаря автор отождествляет немецкое слово *Herr* "господин" с и.-е. корнем **kei-* "dunkel, grau-, braun": ср. русск. *серый*. Это слово интерпретируется как "седой" > "старый" > "достойный уважения" (именно такой путь развития постулируется в большинстве немецких этимологических словарей, которые к тому же корню относят еще и нем. *hehr* "величественный; священный; возвышенный"). Автор верно высказывает догадку относительно соотношения и.-е. корня **kei-* "серый, темный" с **kei-* "резать, высекать" (огонь). Однако он не учитывает того обстоятельства, что значение "гореть" (и.-е. **ker-* "гореть") могло соотноситься со значением "сила, сильный, крепкий" (и.-е. **ker-* "сильный, крепкий"). Корень **ker-* может соотноситься с корнем **kei-* "гореть, светить".

В заключение необходимо подчеркнуть, что рецензируемый Словарь представляет собой значительное явление в российской и в мировой германистике: практическое использование новейших методик этимологизирования сочетается в нем с анализом огромного фактического материала не только германских, но и индоевропейских языков, хорошее знание специальной литературы сочетается в ряде случаев с

¹⁴ В.В. Левицкий соотносит корень **leubh* "любить, желать" с гот. *ga-laubjan* "верить". Однако это последнее слово соотносится с ирл. *lub* "куст, дерево". Типологически ср.: русск. *верить*, но латышск. *veris* "лес"; русск. *дерево*, но прусск. *druwi* "вера"; лат. *credere* "верить", но нем. диал. *Kraut* "лес": твердость дерева как моральная категория.

творческим подходом к анализу. К сожалению, автор неправомерно увлекается использованием фоносемантики в историческом анализе лексики и семантики, а с другой стороны, находясь в большой мере в плену традиционных этимологий, не учитывает целый ряд важнейших явлений языка, имеющих принципиальное значение для этимологизирования: возможность нескольких этимонов (скрытых метафор) слова, а не одного единственного этимона, как это принято в этимологической традиции; возможность наличия табуирующих отрицаний (и.-е. *ne-, se-, ve-, le-, me-*) в начале слова (учет этого принципа в корне меняет возможности и результаты этимологизирования), возможность наличия так называемых преформантов¹⁵ и вариантов корня, а также необходимость учитывать языческую символику и культурно-историческую канву слова при этимологизировании.

¹⁵ В.В. Левицкий в своем Словаре приводит несколько примеров на преформанты, хотя и не называет их преформантами и вообще никак не объясняет: др.-инд. *kapi-* "обезьяна", но др.-англ. *apa* "обезьяна"; русск. *коза*, др.-англ. *hecen* "козленок", но др.-инд. *ajāh* "коза"; лат. *os*, др.-инд. *āsthi* "кость", но лат. *costa* "ребро", русск. *кость* (т. 1, с. 84).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Джонс-Блэй К. 1997 – Женщины и война в индоевропейском мире // Стратум: Структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб., 1997.
- Маковский М.М. 1995 – У истоков человеческого языка. М., 1995.
- Маковский М.М. 1996 – Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996.
- Маковский М.М. 2000а – Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев. М., 2000.
- Маковский М.М. 2000б – Историко-этимологический словарь современного английского языка. М., 2000.
- Маковский М.М. 2000в – ВЯ. 2000. № 3: Рец. на кн. "Язык и речевая деятельность".

Трубачев О.Н. 1985 – О семантической теории в этимологическом словаре. Проблемы омонимов подлинных и ложных и семантическая типология // Теория и практика этимологических исследований. М., 1985.

- Элиаде М. 2000 – Миф о вечном возвращении. М., 2000.
- Cowen P. 1979 – Rose windows. London, 1979.
- Eliade M. 1938 – La concezione della libertà nel pensiero indiano // ASA. 1938.
- Feist S. 1939 – Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. Leiden, 1939.
- Gasiorowski P. 1998 – Strange ablauts and neglected sound changes in Proto-Indo-European // IF. Bd. 103. 1998.
- Grohmann J.V. 1962 – Apollo Smintheus und die Bedeutung der Mäuse in der Mythologie der Indogermanen. Prag, 1962.
- Heidermanns F. 1993 – Etymologisches Wörterbuch der germanischen Primäradjektive. Berlin; New York, 1993.
- Lurker M. 1990 – Die Botschaft der Symbole. In Mythen, Kulturen und Religionen. München, 1990.
- Lurker M. 1991 – Wörterbuch der Symbolik. Stuttgart, 1991.
- Mottausch K.-H. 1999 – Lautverschiebungen und Verwandtes im Bereich der indogermanischen Sprachen // IF. Bd. 104. 1999.
- Mylius K. 1975 – Wörterbuch Sanskrit-Deutsch. Leipzig, 1975.
- Neuhardt G. 1978 – Das Fenster als Symbol. Versuch einer Systematik der Aspekte // Symbolon. N.F. 1978. № 4.
- Nyman M. 1985 – *E/a-o* as ablaut pattern in Indo-European // IF. Bd. 90. 1985.
- Persson P. 1912 – Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. 1–2. Uppsala; Leipzig, 1912.
- Pokorny J. 1959 – Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959.
- Seebold E. 1970 – Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben. The Hague; Paris, 1970.
- Torp A. 1909 – Wortschatz der germanischen Spracheinheit. Göttingen, 1909.
- Tucker T.G. 1930 – Notes on Indo-European etymologies. Halle, 1930.
- Walker B. 1985 – The woman's encyclopaedia of myths and secrets. New York, 1985.

М.М. Маковский